

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Канталупы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2545725

Аннотация

«В половине первого в ведомстве приемов поставок, закупок и транспортов полагается перерыв для завтрака. Бакулин, делопроизводитель, издавна привык закусывать в «Торжке», среднем из первоклассных ресторанов, где, однако, кормят хорошо, кабинеты светлы и удобны, а прислуга расторопна и почтительна. Как и всегда, швейцары угодливо устремляются к Бакулину, притворяясь страшно обрадованными его приходом, величая его по имени-отчеству и с благоговением принимая его шляпу, палку и пальто...»

Александр Иванович Куприн Канталупы

Может быть, и выдумка

В половине первого в ведомстве приемов поставок, закупок и транспортов полагается перерыв для завтрака. Бакулин, делопроизводитель, издавна привык закусывать в «Торжке», среднем из первоклассных ресторанов, где, однако, кормят хорошо, кабинеты светлы и удобны, а прислуга расторопна и почтительна. Как и всегда, швейцары угодливо устремляются к Бакулину, притворяясь страшно обрадованными его приходом, величая его по имени-отчеству и с благоговением принимая его шляпу, палку и пальто. А в коридоре низко склоняет перед ним стриженую голову всегдашний слуга, высокий, худой, длинноусый Яков, и, перебрасывая салфетку из правой руки под мышку, вполголоса сообщает:

- Тут вас спрашивает господин Рафаловский...
- Знаю... Мы условились.
- Так что я осмелился пригласить их в ваш кабинет.
- Ладно. Ты у меня, Яков, золото.

– Рад служить, Сергей Ардальоныч...

Далеко вытянув перед собой руку, открывает лакей дверь кабинета и, пятясь в сторону, пропускает Бакулина. Рафаловский, толстый большой помещик с обрюзглыми бритыми щеками, изборожденными красными жилками, и с седой щетиной на жирном подбородке, неуклюже валится сначала боком на диван, а потом тяжело встает из-за стола.

– Вы точны, как часы на Пулковской обсерватории, – говорит он, протягивая огромную мохнатую руку, украшенную бриллиантом величиной в каленый орех.

– Это у меня еще от военной службы осталось. Привычка, – улыбается Бакулин. Помещик опять валится на диван и вытирает мокрое лицо платком.

– И жарко же сегодня, просто наказание. Точно Сахара какая-то!

– Да, печет... Дай бог урожая. Я рад... Как у меня в парничках канталупы растут, – один восторг... Аромат какой неподражаемый!

– Канталупы? скажите! – равнодушно удивляется Рафаловский.

– Представьте! И какие сорта: Консульт-Шиллер, Президент Грей, Женни Линд, Прескотт, Бельгард, Августа-Виктория... Это страсть моя – канталупы. Ничего я так не обожаю. А впрочем, к порядку дня. Чем ты

будешь нас кормить, Яков?

Сладко жмурясь и точно захлебываясь, Яков докладывает своим ярославским говорком:

– Осетровый балычок сегодня привезли, прямо вам скажу, – нечто особенное. Янтарь. Насквозь видать... Рыжички соленые вы изволили одобрять. Форель гатчинская. Утки есть дикие, – чирочки. К ним можно салат ля-тю а-ля-метрдетель с трюфелями, провансалем и свежим огурчиком... Позволю себе рекомендовать волованчики с петушиными гребешками и костным мозгом. Цветная капуста замечательная.

К закуске Яков сам, не спрашивая разрешения, подает во льду графинчик водки, настоянной на черносмородинных почках. Ловко, почти беззвучно сервирует все на столе и, отступив спиной к двери, мягко закрывает ее за собой.

Бакулин разливает настойку, которая отсвечивает в рюмках нежной изумрудной зеленью и благоухает весной и немного мышами. Он уже собирается чокнуться с помещиком, но тот останавливает его осторожным жестом.

– Делу время, потехе час, глубокочтимый, – говорит он внушительно. С трудом достает из бокового кармана визитки пухлый запечатанный конверт и кладет его на стол. Ноздри у Бакулина слегка вздрагивают, но он отодвигает пакет в сторону.

– Нет, уж вы лучше пересчитайте, – мягко настаивает Рафаловский. И опять пододвигает пакет Бакулину. – Деньги счет любят.

Бакулин, не торопясь, пересчитывает билеты государственной ренты и, окончив, склоняет голову в знак правильности суммы, а затем извлекает из портфеля и передает Рафаловскому бумагу, на которой вкось карандашом написано: «Согласен. Поторопить доставкой». Произведя этот обмен, они впервые взглядывают друг на друга. Бакулин совершенно ясно угадывает желание своего партнера в этой молчаливой игре «расписочку бы». Но зато и Рафаловский читает без слов вежливый ответ:

«Прошли золотые времена. Такими дураками мы были только до эпохи ревизий». И, как умные люди, они, перейдя через тяжелый момент, приступают не торопясь к солидному завтраку и к интересному вескому разговору о предметах важных, но посторонних. За бутылкой подогретого St.-Estèphe стирается и самый след промелькнувшей неприятности. Бакулин относится очень сочувственно к мысли Рафаловского о будущей поставке двадцати тысяч сажен березовых дров. Зато у Рафаловского есть в виду для супруги Бакулина прямо золотое дно, а не имение, на юге России: рыбная речка, семьсот десятин чернозему, триста строевого леса, барская усадьба с парком,

оранжереями и всякими постройками, фруктовый сад, дом чуть ли не растреллиевской постройки. И все за пустяшную прибавку к банковскому, совсем небольшому долгу. По окончании завтрака помещик хочет взять расплату на себя. Но делопроизводитель упирается: «Хлеб-соль вместе, а счет пополам. По-американски». У подъезда они прощаются, довольные друг другом. Рафаловский едет на биржу, а Бакулин идет пешком на службу.

В три часа, прежде чем покинуть учреждение, главный директор, сияющий своими сединами и лысиной, розовый, веселый, светский, благоухающий старик, заходит на секунду в кабинет делопроизводителя. Каждый раз у него какие-то неотложные дела в банке.

– Вы уже без меня тут, пожалуйста, любезный Сергей Ардальоныч... – И в дверях, делая прощальный знак выхоленной рукой, он добавляет: – В случае чего-нибудь экстренного – вы знаете номер моего телефона.

Конечно. Бакулин знает, что это номер телефона маленькой балетной корифейки Лягуновой. Но он только почтительно склоняет большую тяжелую голову с низким лбом и широкими скулами.

В приемной уже давно дожидаются этого часа разные деловые люди: преувеличенно модно одетые

русские, с громкими картавыми барскими голосами и плохим французским языком, которым они без нужды злоупотребляют, суетливые черноглазые греки; развязные или презрительные евреи, которые здесь, как и всюду, точно у себя дома, престарелые, надменные пышноусые поляки в великолепных, но потертых костюмах, с бахромой внизу панталон, армяне с пылкими взорами, страстной речью и выразительной мимикой, два-три бритых человека неопределенной нации и профессии, но с широким жестом и неправдоподобным голосом, должно быть, бывшие актеры.

Среди этих пестрых просителей, подрядчиков, поставщиков, изобретателей и посредников – много таких, которых Петербург видел когда-то на малой бирже у Доминика, или на бегах в жалкой роли подсказчиков, или в стремительном мгновенном полете с лестницы танцевального зала Марнинковича, или за карточными столами темных шустер-клубов. Теперь же Петроград нередко дивится их особнякам, автомобилям, соержанкам и бриллиантам большинства из них.

Меньшинство только начинает карьеру.

Курьер Ефим одного за другим впускает их в кабинет, руководствуясь не очередью, а какими-то своими особыми, интимными соображениями. Точно так же и у Бакулина для каждого посетителя особые оттен-

ки приема. Так, например, одного восточного человека, красавца мужчину атлетического сложения, с выхоленной блестящей черной бородой, с драгоценными кольцами на всех пальцах, он выслушал сидя, не предлагая тому даже сесть, и отказал сухо, коротко и быстро.

Встречая других, он слегка приподымался с кресла и, бормоча что-то невнятное, указывал рукой на стул против себя.

А одного, не особенно видного, старозаветного, маленького старичка в наглухо застегнутом черном сюртуке, он встретил у самых дверей и сел только после него.

Впрочем, разговор у них вышел очень краткий; миная здоровье, погоду и прочую дребедень, старичок спросил деловито:

– Так вы обдумали, любезнейший Сергей Ардальонич?

– К вашим услугам, Кирилл Матвеевич.

– Двадцать пять и два, если брутто, и двадцать шесть и один, если нетто? Так?

– Совершенно верно, Кирилл Матвеевич.

– Предпочтительнее?

– Как вам угодно. Если позволите, второе условие более подходит.

Старичок не спеша вынул из кармана чековую

книжку и тонко, почти незаметно улыбнулся.

– Вы это чему, Кирилл Матвеевич? – беспокойно спросил Бакулин.

– Так, своим мыслям, – ответил старичок, быстро вписывая сумму. – Одного парнишку спросили: «Ты, Егорушка, какого пирожка хочешь, так или с маслом?»

– «Да мне все равно, хотя бы с маслом».

– Хе-хе-хе, – добродушно рассмеялся Бакулин. – Хорошенькое присловьице. Хоть и с маслом... А кстати, Кирилл Матвеевич, тут еще поверстные... и там... благодарности агентам...

Старичок поморщился и встал, тщательно застегивая сюртук.

– Бросьте, почтеннейший. Не в мелочной лавочке... Бакулин проводил его до дверей с низкими поклонами. А старик даже руки ему не подал...

Так же содержательна была беседа и с другим дельцом, высоким, плечистым, костлявым, небрежно одетым, у которого на желтоватом лице, изрытом оспою, дерзко и пытливо смотрели голые, черные, цыганские или разбойничьи глаза. Ему надо было выхлопотать двести вагонов, и Сергей Ардальоныч, заранее знавший, для какой цели, с быстротой умножил в уме вагоны на пуды, пуды на фунты, фунты на копейки и сказал, взглянув в горячие глаза рябого, но тотчас же и отвернувшись:

– Восемьдесят.

– Не могу, – смело и решительно отрезал рябой. – Берите любую половину.

– Вам-то что, Петр Захарыч. Нажмете чуть-чуть. Ведь я всего копейчку на фунт.

– То есть четыре процента. Довольно с вас двух. Я мелкого покупателя обижать не могу. Его доверием кормлюсь и лишаться доверия не хочу. Ему полкопейки расчет. А нет – найдем другой путь.

– Да уж ладно, упорный вы человек. Зайду к вам завтра утром. Как раз будет готово разрешение.

– Так-то лучше. До свиданья. Один за другим проходили перед наблюдательным наметным окном Бакулина жадные, смелые, трусливые и наглые ловители фортуны, и всех их Бакулин фильтровал, сортировал, определив точно их удельный вес, и ставил их на надлежащую полочку относительной пользы. В то же время среди этих непонятных непосвященному переговор он успел написать несколько черновиков важных писем, сделал два-три внушения конторщикам, отвечал беспрестанно на телефонные вызовы. Дело шло у него легко и быстро, точно он катился по гладкому шоссе на объезженном, выверенном, хорошо смазанном велосипеде. И только раз вышла задержка. Какой-то неловкий новичок, козлиного староверского вида, принесший образцы подковных шипов, осмелил-

ся, сначала обернувшись назад, на дверь, и помедлив от волнения, сунуть через стол пятисотрублевую бумажку. Бакулин поднял крик на все учреждение: «Как? Взятку? Кому? Мне? В такое время? Да я вас под суд! Я вас упеку знаете куда? Ефим, в шею этого презренного типа».

Но вот старые высокие нортоновские часы медленно протянули первый густой удар из шести, и Бакулин поднялся, прервав разговор с клиентом на полуслове: «Простите, завтра приму вас первого. Мне спешить к поезду, а еще надо кое-какие покупки».

Ехать по железной дороге надо было полчаса, и оттуда на собственную дачку «Аннино», двенадцать верст. На станции его дожидался экипаж. Вся упряжка была проста и щеголевата, как у настоящего любителя: лошадка (шведский иноходчик) была светло-желтая с черной гривой, черным хвостом и темным ремешком вдоль спины – той скромной масти, которая раньше, лет пятьдесят тому назад, называлась интендантской; рессорный легкий, плетенный из камыша шарабан блестел лаком крыльев и колес, кучер в шапке с павлиньим пером, в бархатной безрукавке высоко держал руки в оранжевых канаусовых рукавах.

Кучер, сдерживая резвую лошадку, осторожно объехал по грубым камням полукруг ожидавших очереди извозчиков, выехал на ровное широкое шос-

се, уходящее прямой белой лентой сквозь зеленую даль деревьев, и по-немногу отпустил вожжи. Бакулин, с наслаждением отдавшись плавному покачиванию рессор и быстрому движению, заглядывал то слева, то справа на плавный бег иноходца, который, ровно неся спину и слегка, точно неуклюже, точно переваливаясь плечами с боку на бок, чуть покачивал высоко поднятой головой с стоячими маленькими ушами... Пахло свежескошенным сеном, весело трепетали и блестели недавно омытые дождем дорожные деревья. Ветер дул в лицо и пузырил оранжевые рукава у кучера.

Иногда из-за дальних роц блестел крест колокольни. Бережно крестясь, творил Бакулин молитву: «Господи, во имя святого храма твоего, помяни мя, егда приидеши во царствие твое...» Но молитва была механическая, без сердечной интимности. Главные, серьезные счета, генеральную стирку души, он отлагал до вечера.

Подъехали к широким воротам дачи, на которых возвышалась на проволочной раме литая надпись «Аннино». Бакулин посмотрел на часы. Ехали ровно двадцать шесть минут пятнадцать секунд. Хороша шведка. И всего двести пятьдесят плачено.

Всегда нудны и тяжелы проводы, но радостны даже ежедневные встречи. Когда иноходец, сдержан-

ный красиво на повороте, вплывал, чуть накренившись, во двор, приятно сотрясая своим могучим ржаньем легкий шарабан, то отсюда, из сада, со стеклянной веранды, из-за дома, слышались веселые восклицания, показались оживленные лица, замелькали светлые летние наряды. Впереди всех диким галопом неслась десятилетняя девочка, вся в белом, с двумя большими белыми бантами на висках, меньшая, любимица отца, Люлю. За нею бежали сыновья – гимназист и юнкер вместе со свояченицей Бакулина, восемнадцатилетней Софочкой. Дальше торопились, взявшись за руки, дочка-невеста с женихом, начинающим инженером, оба в красивых костюмах для лаун-тенниса. И, наконец, сама т-те Бакулина в пунцовом кружевном халатике, полная, но еще изящная и легкая в движениях брюнетка, цветущая ярким расцветом последней пышной красоты. Вместе с поцелуями, рукопожатиями, приветливыми словами, заботливыми расспросами на Бакулина вылился целый водопад милых пустяшных новостей: «Вода сегодня ужасно холодная в купальне. Софочка с Марусей собрали массу грибов-маслянок, а Василий Филиппович одни поганки. Котенок поймал полевую мышку и долго играл с ней. К обеду будут раки. Василий Филиппович привез в подарок Люлюшке козленка из породы безрогих коз. Премиленький козлик и обожает есть

левкой...» И так, взятый под руки, облепленный большой, шумной, любящей семьей, шел Бакулин к дому, через цветник, по красным дорожкам, мимо правильных, только что политых клумб, благоухавших резедою, розами, душистым горошком и табаком, начавшим распускать к ночи свои белые звезды. Золотые и серебряные шары, ослепительно сверкавшие на заходящем солнце, отражали кверху ногами живую семейную группу. А две нарядные горничные в кокетливых передниках разгружали из шарабана покупки.

Но вот уже кончен обед. Смеркается. Острее и слаще пахнут цветы. Еще одна радость ждет Сергея Ардальоныча, который уже докурил сигару, отложил в сторону вечернюю газету и с неподдельным глубоким чувством пожалел вслух бедную многострадальную Россию, задыхающуюся в цепких лапах взяточников, растратчиков, вымогателей и других обнаглевших жуликов и прохвостов.

– Ну, Софочка, пойдем поглядим наши канталупы, – говорил он свояченице, сидящей снаружи на ступеньке балкона. Они вместе ухаживают за дынями. Это их общая серьезная забота и в то же время невинная, тонкая, слегка волнующая игра. Как и большинство молодых девушек, бессознательно, чуть-чуть влюбленных в мужей своих старших сестер, Софочка наивно льнет к Бакулину сердцем и телом. Огород – гор-

дость Сергея Ардальоныча. Он выгоняет на нем редкие на севере овощи – кукурузу, томаты, артишоки и спаржу. Но его поэзия, его истинная благородная страсть – дыни-кantalупы, требующие крайне заботливого ухода.

Оба они внимательно склоняются над парниками. В огороде, не затененном деревьями, еще светло, и можно хорошо разглядеть дыни, большие, серо-зеленые, с выпуклыми мощными ребрами, усеянными корявыми наростами. Приятно прикасаться пальцами к их холодной коже. Тонкий ананасный аромат поднимается из парников.

Бакулину трудно нагибаться, и потому он только дает указания:

– Этот побег надо завтра же оборвать. А большую завязь прикрепить рогулькой к земле и присыпать, – пусть дает новые корни. Может, и созреет. А эти две дыньки, Софочка, можно срезать. Да надо, кстати, велеть накрыть парники рамами. Небо ясно, барометр стоит высоко, воздух свежеет, безветрие, и – видишь, как вызвездило – ночь будет холодная.

Потом они долго сидят в дальнем углу сада за круглым столом под липами. Голова Софочки лежит на плече Бакулина, и ему кажется, что молодое тело девушки источает нежный запах кantalупы. Его руки ласково, но не крепко обнимают ее плечо.

– С этой дачей мне жаль расстаться, Софочка, – говорит Бакулин, мечтательно глядя вверх, на звезды. – Ее я построил целиком на мое нищенское жалованье. Во всем себе отказывал. Но когда ты выйдешь замуж, я тебе куплю рядом такой же клочок земли и устрою тебе дачу, как свою. Даже лучше. Я уже присмотрел.

– Не надо мне, милый Сережа, ничего не надо, – тихо отвечает девушка и еще теплее прижимается к его плечу. – Я никогда не выйду замуж... Ни за кого...

– Почему? – спрашивает нежно, дрожащим голосом Бакулин, наклоняя губы к ее волосам.

– Так...

И он сладко чувствует, как под его рукой с испугом и ожиданием дрожит девическое тело.

Наступила ночь. М-ме Бакулина лежит на широкой двуспальной постели, лицом к стене. Сергей Ардальоныч стоит на коврике на коленях, в одном нижнем белье. Он уже закончил положенные, заученные официальные молитвы и теперь мысленно говорит своими словами. Обращается он, однако, не к богу, и не к сыну, и не к его матери, а к снисходительному святителю Николаю, причем многое утаивает и во многом лукавит.

– Я же ведь, если что и беру, то не на роскошь, а для семьи. Пусть живут в холе, без озлобляющей борьбы, добрыми и кроткими. Другие там кутят, пьянствуют, иг-

рают, разоряются на женщин, на бриллианты и автомобили... А я... мое немудреное развлечение – одни канталупы, чистое сладостное занятие. Вот, ей-богу, дойду до миллиона и все брошу. Уйду со службы, займусь добрыми делами, буду тайно творить милостыню, церковь построю... не церковь, а так... часовенку... Только бы до миллиона...

И сам перед собой притворяется, будто бы забыл, что если присчитать к деньгам и золотым вещам жены два доходных дома – один на Лиговке, другой на Песках, то давно уже его капитал шагнул за два миллиона. И о том он не хочет вспоминать, что еще недавно он давал обещание дойти только до двухсот тысяч, а потом до полумиллиона. «А может быть, – думает он, – терпеливый угодник не обратил внимания на эти мелочи или забыл по множеству дел своих? И потом: ведь все, что мною приобретено, записано не на мое имя, а имя жены. Я – что же? Я бескорыстен...»

Сладко спит Бакулин. Мерцает теплым дрожащим светом лампадка перед образом. Хмуро глядит в темноту суровый и добрый лик святителя, лик того угодника, который когда-то вступился за вора, укравшего кусок хлеба для своей голодной семьи.